

Вдовство и сиротство в духовенстве

Нигде вдовство и сиротство не бывает так чувствительно, так печально и горестно, как в духовенстве. В каждом сословии жена добрая составляет поистине дражайшую половину мужа. Она снимает с обязанностей мужа половину семейного дела, облегчая его и давая ему свободу служить на разных поприщах государственной и общественной службы. Как обещавшая служить мужу всею душою, как хранительница семейных тайн, она есть лучший друг его и советник в случающихся затруднениях при всех обстоятельствах его службы и ангел-утешитель во всех его несчастиях. Кротким словом увещания она умеряет порывы гнева его, с свойственною ей предупредительностию она умеряет и даже разделяет самые труды его, и тем сохраняет вовремя его здоровье; она не отходит от его постели, когда он болен, и не спит ночи, наблюдая за ним и помогая ему. Для детей она всегда ближе, чем отец: ей поверяют дети тайны своего сердца; к ней главным образом обращаются они с своими просьбами и нуждами; с ней они остаются дома. Словом — полнота счастья семейного только и может быть при отце и матери, и в бедности, и в богатстве. Потеря матери для детей и жены для мужа есть потеря ничем невознаградимая. Мудрая опытность в немногих словах очень точно выразила эту потерю: «лучше десять раз гореть, чем однажды овдоветь». За всем тем, в светских сословиях это тягчайшее горе не так ужасно по своим последствиям, как в духовном сословии. Жизнь светская по самому складу и строю своему не может установить тех теснейших уз, какие устанавливаются между мужем и женою в духовном сословии. Жизнь светская в высшем и среднем сословии, кроме домашнего семейного очага, разнообразится некоторыми тенями, *яже от мира*, например театром, клубами, вечерами танцевальными, поездками в другие города и вообще участием во всех прочих явлениях жизни, какие доставляет свет, искусство и прихоть. Участие в этом водовороте той и другой супружеской половины, удаляя её, хотя на время, от семьи и семейных привязанностей, давая случаи на несколько времени забываться в другом мире, в других чувствах, естественно подготавливает и будущего вдовца и будущую вдовицу к одинокой жизни, не лишённой, однако, некоторых наслаждений. О качестве этих наслаждений судить мы теперь не станем: это будет другой вопрос. Для нашей цели нужна только объективная сторона дела. Горе такого вдовца и вдовицы тяжко не столько от разрыва супружеских привязанностей, сколько от тех забот по воспитанию детей и наблюдению за домашним хозяйством, которые всею тяжестью своею ложатся на рамена вдовца, и от тех лишений, какие предстоит испытать вдовице, лишившейся с потерю мужа средств к содержанию. Крестьянский быт по своему строю и складу представляет ещё больше условий, при которых горькая доля вдовства и сиротства теряет свою жгучесть. Муж крестьянин, как всегдашний работник, с самого рождения несущий тяжести суровой жизни, не настолько нежен чувствами, чтобы понимать настоящую цену супружеской жизни в различных её отношениях. По его взгляду — жена у него помощница в самом тесном смысле. Ему, для его дома, нужна хорошая работница — и вот он женится. Вопросов о нравственном воспитании детей, в их широте, он не задаёт; дети его обуты, одеты — цель воспитания, по его мнению, достигается. О трудностях в жизни, при его сроду суровой жизни, о внутренних неприятностях он всего меньше размышляет; а о том, что жена своими советами и убеждениями облегчает тяжести жизни, он едва и понять может. «Баба — дура», едва ли не повсюдная рекомендация мужьями крестьянами жён, которые хотели бы поучить их. Тяжести жизни крестьянина — голод, солдатство, внезапное обеднение от воров и пожара, наказания за преступления — это такие явления, с которыми не совладать уму крестьянской жены. Крестьянин без особенных волнений и беспокойств оставляет свою жену, и семью, и дом — и идёт на заработки в дру-

с. 1

* Свирелин, А. И. Вдовство и сиротство в духовенстве / А. И. Свирелин // Церковно-общественный вестник. — 1874. — 12 мая (№ 56); 15 мая (№ 57); 17 мая (№ 58). — С. 1—4; 1—3; 1—2.

с. 2

гие губернии, — а жена также без особенной тревоги сердца отпускает его; потому что оба они знают, что от этого заработка зависит всё их счастье и, главное, уплата разных повинностей. Удаляются они один от другого на целое лето или на целую зиму, и эта разрозненность не отзывается в них болезненно. Пришлёт муж жене денег на нужды её, пришлёт жена мужу письмо о том, что она, слава Богу, жива и здорова и низко кланяется ему: этими отношениями и поддерживаются их супружеские связи. Жена не смеет написать мужу, чтобы он скорее приехал к ней, потому что соскучилась по нём, и муж, не кончив срока работы, не поедет к жене, как бы ни любил её. Притом же у крестьянина, как и у другого светского, в лишении первой жены всегда есть выход вознаградить потерю жены-работницы вступлением во второй и даже в третий брак. Самое тяжёлое несчастье — сиротство и с ним соединённая бедность у крестьян также менее страшны. Крестьянская семья и при жизни отца не знает прихотей в жизни ни в пище, ни в жилище, ни в одежде, ни в обуви; она довольствуется самыми необходимыми, первобытными требованиями. Если эти требования удовлетворяются принятием тягла сыном после отца, или Христовым подаяннем, то тяжесть этого горя облегчается наполовину. Сиротство в высшем и среднем сословии обеспечивается всегда состоянием, остающимся после умершего, и теми благотворительными заведениями, которые учреждены и предусмотрены теми сословиями.

Совсем не то — вдовство и сиротство в духовенстве, именно вдовство священнослужителя и сиротство его семьи. Жизнь священника обусловлена совершенно иными положениями. Продолжая апостольское дело проповедания истин веры Христовой, будучи совершителем Святых Таинств и раздаятелем духовных освящений своей пастве, он тем самым резко выделяется от среды, его окружающей, и называется *священником*, то есть лицом, преимущественно освящённым и подающим освящение другим. Паства называет его *батюшкой* своим, выражая тем ту высокую мысль, что он для них, в религиозном воспитании, в их нравственных нуждах то же самое, что отец, неуспно заботящийся о развитии их христианских добродетелей и предусмотрительно охраняющий их души от падений, преткновений, соблазнов и искушений. Он должен быть всегда готов к ответу о путях спасения всякому, вопрошающему его о них, и каждому, требующему разрешения вопросов и затруднений своей совести. Он должен быть первым утешителем в их горестях и лучшим другом, умиротворяющим их семейные раздоры; собственным примером и сильным сердечным словом убеждения он должен облегчать тяжести жизни своих пасомых, и первый должен откликнуться с духовным врачевством в постигших их общественных бедствиях. Таким образом, жизнь священника сама в себе, проявляемая в великом пастырском служении его, в его священных обязанностях и в общении с обществом не имеет для себя иного назначения, кроме назначения священного. Пастырь Церкви никогда не может сказать своей совести: «на службе, в церкви, я священник — лицо священное, совершающее великое дело служения Христова, а вне службы церковной я, как и всякое другое лицо неосвящённое». Доколе лежит на нём высокий сан священный, он не посмеет не охранять его важности и тогда, когда не требуется от него прямого исполнения священных обязанностей. Вход в увеселительные светские учреждения для него воспрещён; участие в светских развлечениях и удовольствиях составляет преступление, за которое он должен понести наказание. Самая одежда, которую он носит, отличает его от всех прочих сословий и напоминает ему о его высоком служении, при котором стыдно и совестно вести себя как мирскому и светскому человеку. Всё это знает каждый пастырь Церкви — и где же ему, как человеку, остановиться умом и сердцем вне прямого исполнения его служебных обязанностей? Семья его — вот одно место для него! В семье своей находит он радости после исполнения своих священных обязанностей; в благоустроенном хозяйстве, ведомом его дорогою половиною, он находит покой и отдохновение своему духу, бодренно стоящему на страже своей паствы. Трудится он на ниве Божией, иногда до изнеможения сил, ходит часто посреди сени смертных, посреди страхований и смятений, слышит стоны умирающих, видит отчаяние окружающих одр умирающего — и после этих сцен, раздирающих душу, он находит успокоение возмущённым своим чувствам в своём мирном крове и особенно в своей доброй и мудрой жене, которая тотчас же поспешает к нему с своим ласковым, душевным словом и восстанавливает нарушенный в нём мир души, вдохновляя его энергию к препобедению новых предстоящих ему трудов. Тяжело пастырское служение, — но по крайней мере благоустройство домашнего его обихода не всю тяжесть лежит на нём при его жене. Трудится он на ниве Христовой, но знает, что и без него дом его управлен добре его женой, почему и покойно трудится для блага и счастья своих пасомых.

Но вот священник-вдовец! Посмотрим на него. Во цвете лет, с полными жизни силами, с лучшими стремлениями к почтенной деятельности, с живейшею энергиею начавший тру-

даться на ниве Христовой — он вдруг останавливается в своём течении. Потрясённый горем до глубины души, разбитый чувствами, трудится он для блага своей паствы; но смущён и нерадостен идёт он в свой дом, где он прежде находил полный покой от трудов своих. Нет у него теперь лучшего друга, советника и утешителя. Не на покой он идёт в свой дом: там ожидают его сироты-дети, там хозяйство, требующее его распоряжений и рук; вместо одной думы — он один должен думать две думы. «Как громовым ударом поражён я, — читаем мы в письме одного молодого вдовца-священника, — всё ищу чего-то — и не найду... всё иду куда-то — и не дойду... всё ловлю что-то — и ничего не поймаю... Нет жизни во мне полной, или, лучше, совсем не стало жизни; самый свет не светел стал, как будто нет его, а есть какой-то полусон, полу-мрак. Одно моё утешение в молитве и службе; ни радости, ни утешения, ни мира, ни покоя — нет для меня, кроме молитвы и службы. О, если бы можно было стоять всегда на такой высоте духа! Но человеку невозможно быть всегда в таком созерцательном состоянии! А чуть спустишься с этой высоты — и страх, и мрак, и смятение, и слёзы струятся из глаз — и нет мира в костях моих!» Это наблюдение пастыря над собою как нельзя лучше изображает печальное состояние вдовства священнослужителя. Мы сказали, что у пастыря Церкви, вне церкви, только и есть одно место успокоения от пастырских трудов — это его мудрая и добрая жена и его благоустроенное семейство. Другие утешения, какие доставляет свет, ему запрещены. Служение пастырское требует многих трудов, многих самопожертвований, многих тревог в жизни, терпения многих оскорблений, озлоблений и неприятностей. Лишась жены, он должен выносить всё на себе одном, без совета, без подкрепления. К этому присоединяются теперь все хлопоты по хозяйству, все заботы о воспитании и устройении своих детей. Помощников нет у него, развлечений искать негде. Даже в выборе лиц для исполнения низших служений в домашнем быту он связан и стеснён: наймёт он старую прислугу — та не годится для ведения хозяйства; наймёт молодую — явятся подозрения, услышится глагол зол — и расстроится его священное пастырское служение. Да, вдовство в духовном звании, в сане священника, и притом в молодых годах, есть тягчайшее бедствие для пастыря Церкви — и только в молитве и службе церковной он может найти облегчение себе!

с. 3

Сиротство в духовном звании ещё печальнее, ещё горестнее самого вдовства. Жена священнослужителя, замкнутая в своей только духовной сфере, не имеющая также права на участие в светских удовольствиях, именно как жена священнослужителя, остаётся и при жизни мужа при своём доме, добре правя его и ведя хозяйство для облегчения служебных обязанностей своего мужа. Круг её деятельности — дом и семья; выход её вне дома и семьи ограничивается одними прихожанами, у которых она бывает на печальных и радостных событиях семейной жизни их. Муж её добывает содержание для своего семейства, а она из готового материала делает доброе приложение к успокоению своей семьи. Других интересов в жизни она не имеет, иных выходов в жизни нет у неё. Сама она не может производить каких-нибудь коммерческих операций для улучшения своего быта, какие, например, производить может жена купца. Состояния своего она не имеет и пользуется только тем, что добудет её муж. И как вообще доходы мужа бывают очень ограничены, то мудрость её в домашнем быту состоит именно в том, чтобы свести концы с концами при самых ограниченных требованиях в жизни. Далеко не во всех семействах священнических вы увидите кухарку, а тем более няньку: все обязанности прислуги исправляются по большей части самими членами семейства. Жена священника сама топит печь, стряпает, ходит за скотом, моет бельё, полы, — сама едет в город закупать съестные припасы, сама правит лошадей, одевает и обувает своих детей. Скромный, как видите, и очень ограниченный круг деятельности семьи священнослужительской; но жена пастыря Церкви и не задаётся многим и не мечтает о какой-нибудь роскоши. Если удаётся ей свести в течение года приход мужа с расходом по хозяйству — и слава Богу! Теперь мы приблизились к страшной катастрофе, постигающей скромную семью священнослужителя. Глава семьи умирает... Остаётся после него вдова с детьми сиротами. Как громом поражённая, остаётся одна она... Всё, чем она жила, похоронено у неё вместе с мужем в могилу: все источники содержания семьи иссякли, все надежды на устройство её разлетелись прахом. Со дня смерти мужа прекращается доход от церкви; сборы с прихожан поступают не в её пользу; самый дом, если он собственный и стоит на церковной земле, она волей-неволей должна продать преемнику мужа, а если церковный, то должна выйти из него и купить для себя или избу крестьянскую, или перейти на квартиру к крестьянину. А дети, между тем, хотят пить и есть, требуют одежды и обуви! Откуда доставать ей? Состояния по большей части никакого не остаётся. Доходы, даже священнические, при увеличившейся дороговизне на все припасы, едва покрывают насущные нужды. Мы знали лично несколько священнических семейств, в которых удовлетворению

каждой более или менее серьёзной нужды предшествовало обсуждение, как и чем покрыть её. И вот жена священнослужителя, и при жизни его замкнутая в тесном круге, незнакомая ни с какою роскошью, привыкшая кое-как покрывать насущные нужды из доходов мужа, без средств, убитая горем, должна теперь выйти из своего замкнутого круга, сама должна обдумывать, чем кормить семью, — сама, дотеле не выдавшая ни лиц, которые могли бы помочь ей чем-нибудь, незнакомая ни с приёмами просьбы, сама должна являться к тем лицам, должна спрашивать, у кого просить ей помощи, должна искать советников, которые бы наставили её, как поступить в данном случае.

И однакож, что у нас готово для сирот? Было время, когда места после умерших членов причта зачислялись за дочерьми их, — и хотя не сладкое было житьё сирот у зятя, всё-таки приют им был у него, и местожительство оставалось тоже. С уничтожением этого обычая потребовались для сиротства другие выходы. Вопросы об облегчении сиротства и бедности — суть вопросы, стоящие на очереди и имеющие быть разрешёнными духовенством непременно — основательно и прочно. Во многих епархиях обсуждались уже они, — но, к сожалению, при бедности существующего духовенства, разрешались неудовлетворительно, если не поспешала на помощь благотворительность со стороны. На что же может теперь надеяться сиротская семья в духовенстве? Вот на что: 1) если остаются сироты-девицы — от 10-ти до 12-ти лет, то для них устроятся *училища девиц духовного звания*, в которых они могут учиться и содержаться на казённый кошт; 2) если остаются сироты-мальчики, то они при поступлении в училище или в семинарию могут жить в общежитии или получать денежное пособие; 3) для самих вдов и лиц сиротствующих, не подходящих под эти категории, остаются вспоможения из сумм попечительства. В следующем номере мы взглянем поближе на эти места прибежища для сирот.

с. 4

с. 1

Мы обещали в прошлый раз взглянуть поближе на места прибежища, представляемые сиротам духовенства. Вот эти места:

1) *Училища для девиц духовного звания*. Не во всех епархиях заведены они. Со введением в них нового устава, при солидной постановке учебно-воспитательной части, требуются для содержания их очень почтенные суммы. Духовенство, имея на попечении своём духовные училища для детей мужского пола, не везде находит средства к их содержанию и, как свидетельствуют факты, всякий раз, когда ему предлагают усилить средства для женского училища, заявляет желание о закрытии его. Там же, где эти училища есть, где найдены средства к содержанию их в указанном порядке, там эти училища суть образовательные средства не для одних сирот, а вообще для детей духовенства. Обыкновенно устроится в епархии одно такое училище, и непременно в губернском городе. Как ни расширяйте его, но более 40 сирот девиц на полном казённом содержании не поместите в нём. Судите после сего, велико ли это прибежище для сирот на всю епархию? За этими 40 сиротами устроенными, смело *minimum* можно полагать 500 детей, лишённых этого счастья и остающихся на руках матерей. Мы хотя не принадлежим к так называемым «недовольным», но признаёмся, содержание сирот, даже попавших в училище, далеко не считаем прочным обеспечением быта сиротской семьи. Если например, из 5-ти, 7-ми человек сиротской семьи одна обучается в училище, великое ли это обеспечение для неё? И те, которые обучаются в училище, обеспечиваются только во время годов учения. Окончат они курс, возвращаются опять в дом матери на сиротский хлеб. Находясь в училище, дети-сироты и дочери священников и пономарей видят более или менее приличную обстановку, даже, сравнительно с домашним бытом, некоторый комфорт. В течение 6-ти лет учения они, естественно, свыкаются с ним. Кончают они учение, возвращаются к своей матери — и что же они видят здесь? Одну тяжкую нужду во всём, одни испытывают лишения. Не за особым прибором садятся они за стол, не на особых тарелках едят, не серебряными ложками принимают пищу, — а едят из одной бедной сиротской чаши; не перемены ястей считают они, а питаются тем, что им Бог пошлёт на известный день. И мы знаем случаи, что воспитанницы — дочери священников по окончании курса училищного возвращались в сиротский дом и здесь, на глазах матери, для своего пропитания зарабатывали себе хлеб, нанимаясь жать на полях крестьянских. Если верно практическое правило: «испытавши сладкое, не захочешь горького», то каково пить горькую чашу сиротства после приличной и свободной от лишений обстановки в жизни? Мы также знаем, как доказательство истинности этого правила, что одна из таких воспитанниц, дочь умершего священника, проведши два года в такой египетской работе после израильского житья в училище, именно от того зачахла и умерла. Что воспитанницы образуются в училище с тем, чтобы по выходе из него быть учительницами в народных училищах и таким образом зарабатывать себе содержание честным трудом — это мнение по-

ка ещё надобно отнести к области фантазии. Народные училища до того ещё не устоялись ни в устройстве своём, ни в своём обеспечении, что службу в них и воспитанникам семинарии, которые проходят её с целью получить после священническое место, нельзя считать ни обеспеченною, ни прочною. Нынешний год земство отпускает такую сумму на содержание училищ, в следующий — другую, меньшую, а в третий год может и ничего не отпускать; принудить его к постоянному определённом окладу содержания училищ и учителей не может никакая власть. Нам известны целые местности, где ни в одном земском училище нет учительниц из воспитанниц духовного училища. Да и может ли без колебаний и сомнений мать отпустить свою дочь-сироту в народную школу, когда у нас и положение молодой женщины вообще не безопасно от различных искушений, соблазнов и увлечений? Таким образом, этот род обеспечения сиротской семьи нельзя назвать облегчающим тяжести доли сиротской. Он, без исхода доброго, даже опасен и может впоследствии увеличить печали сиротства. Легко ли, в самом деле, матери видеть воспитанную дочь свою, трудящуюся на жнитве у крестьянина, дочь с развившимися потребностями лучшей жизни, разделяющую наравне с другими дочерьми, не бывшими в училище, тот же сиротский хлеб? Мы, конечно, не против обучения; это в нынешнее время закон для всех; но нам представляется нецелесообразною та обстановка, какою обставляются сироты — даже дочери пономарей и дьячков наравне с дочерьми, имеющими отцов-священников.

с. 2

2) *Мальчики-сироты* при поступлении в училище или семинарию *принимаются в общежития*, где они есть, а где их нет, там они пользуются денежным пособием. Этот род обеспечения обуславливается, согласно уставу, отличными успехами и поведением ученика. Денежные оклады в училище обыкновенно бывают таковы: высший в 36 р., средний 24 и низший 12 р., но высший оклад даётся ученику только за отличные успехи, почему и пользуется им самое ограниченное число воспитанников, а прочие оклады, конечно, не могут вполне обеспечивать ученика в содержании при нынешней дороговизне на всё. Да и самое житьё в общежитиях на полном содержании не может обеспечивать воспитанников так, чтобы ещё не требовали они помощи. Мы знаем светские заведения, в коих даётся, так сказать, барское воспитание, и те не обеспечивают воспитанников так, чтобы они не требовали помощи со стороны. Жизнь молодого человека нельзя закрепить в такие формы, которые убивали бы в нём всякую мысль об улучшении своего положения и не позволяли ему некоторых невинных удовольствий. Захочется, например, ему сшить что-нибудь новенькое из одежды, захочется в вакантное время побывать на родине, у родных, — и это всё и тому подобное сопряжено с расходами, на которые не отпускается казённых денег. За всем тем, этот род обеспечения сиротства мы считаем лучшим других, потому что он доводит воспитанника до края его желаний, до того именно, что по выходе из семинарии он тотчас же может зарабатывать себе хлеб на различных поприщах службы и не служит более бременем для прочих сирот.

Рассмотрим теперь вспоможения, выдаваемые духовенству или его сиротам из сумм попечительства. Суммы попечительства есть в каждой епархии. Насколько суммы эти обеспечивают сирот, можно видеть из отчёта, например, попечительства Владимирской епархии за 1871 год (см. № 2 «Епархиальных ведомостей» 1873 г.). Так как нужды сиротства в духовенстве по большей части одинаковы и в других епархиях, да и средства обеспечения сирот этими суммами едва ли в них лучше, чем во Владимирской епархии, то на этот отчёт мы обратим особое внимание. Раскрываем *скорбные листы* его. Прежде всего поражает вас здесь громадное число лиц, коим выдано пособие. «Годового пособия, — пишется там, — произведено по благочиниям на 2 249 лиц 13 317 р. 60 к.» Но мы очень хорошо знаем, что за этими лицами оставалось несколько лиц — сирот и бедных, совсем не получивших пособия. Очень сожалеем, что из отчёта не видно, в каких именно размерах получалось пособие, чтобы судить, насколько это пособие облегчило судьбу сирот; но видно — в очень малых размерах, так как из означенной суммы на каждое из поименованных лиц не выходит полных и 6 р. серебром в год. Останавливаемся на *скорбных листах*, в коих попечительские единовременные пособия приведены в отчёте в известность. Мы назвали листы попечительства скорбными как по разнообразию лиц, чающих движения попечительских пособий, по разнообразию нужд, обременяющих лиц духовенства, так особенно по тем ничтожным пособиям, которые раздаются в удовлетворение этих нужд. Признаёмся, мы были поражены, когда узнали, какое разнообразие лиц неимущих и нуждающихся жаждет помощи: тут есть заштатные священники, протодиаконы, диаконы, дьячки, пономари, вдовые протоиерейши, попадьи, диаконицы, вдовы дьячков, пономарей, даже сторожа консистории, семинарии (должно быть, заштатные), сторожихи, послушницы, дочери умерших протоиереев, священников, диаконов, дьячков, пономарей, сторожей и звонарей. Стало

быть, все чины церковной иерархии, от самых высших до низших, только тогда не бедствуют, не просят помощи, когда сами служат и состоят на действительной должности. Как скоро они попадают за штат или умирают, не дослужив до пенсии — после них достаётся в наследство детям одна нищета, одно убожество. В каком, подумаешь, несчастном, необеспеченном положении находится наше духовенство — это сословие, по задачам и целям своим столь высокое и священное! Ужели не наступило время к лучшему обеспечению его? Настоящие доходы его едва-едва позволяют ему сводить концы с концами в своей ограниченной жизни. Стол, например, сельского священника не отличается от стола порядочного крестьянина; говядина и белый хлеб составляют часто предмет роскоши, допускаемый разве в воскресные и праздничные дни: это факты. А с каким унижением, подобострастием, нравственным отягощением достаются эти доходы? За всякую требу, за всякое освящение, совершённое в приходе, священник должен протягивать руку, ходить с святой водой, славить даже в домах чужих прихожан, в которых совершенно не расположены принимать, и если позволяют войти в дом, в какой-нибудь угол или в прихожую, — то так себе, из одного сострадания к нищенству, и где рассчитываются с причтом какая-нибудь прачка, или горничная, или кучер! Это тоже нищие, только в рясах и с крестом! Впрочем, мы в другой раз возвратимся к этому унижительному способу собирания доходов духовенства. Теперь продолжим чтение скорбных листов. Выдано единовременных пособий:

с. 3 1) *На устройство сирот в замужество.* Нужда эта очень хорошо известна каждому главе семействе. И как бы бедно ни выдавалась дочь, требуется при этом много неизбежных расходов. На эту нужду получивших пособие значит в отчёте 9 человек; из них три вдовы попали получили по 10-ти рублей, одна 12 р. и ещё одна 15 р., четыре дьячихи по 10-ти р. Много ли могут помочь 10 рублей в таком деле, которое решительно всё построено на деньгах? Сошьёт вдовая попадья платье своей дочери — и отдаст за него все эти 10 рублей, а прочие расходы свадьбы веди она сама, как знает.

2) *На пропитание по особо-уважительным причинам.* Здесь, как видите, дело очень серьёзное, касается самой насущной нужды — пропитания, без которого можно умереть голодной смертью. Нужда в пропитании, и притом по особо-уважительным причинам, нужда страшная, безотрадная. Это самый скорбный лист попечительства. В нём мы видим всю иерархию духовенства, простирающую руки для получения подаваний и наделяемую по мере средств, без соблюдения иерархических граней. Здесь заштатный священник получает на пропитание 2 р., а сторож консистории 3 и 5 р., — заштатный протодиакон 10 р., а вдовая пономарица 10 же, вдовая попадья 2 р. — сторожиха 3 р., а вдовая дьячиха 10 р., дочь священника 2 р., а дочь пономаря 6 р., вдовая дьячиха с дочерью 2 р., а одна 9 и 10 р. Попечительство разбирало, конечно, нужды семейные и сообразно с ними распределяло пособие; но для постороннего наблюдателя, не посвящённого в тайны попечительства, такое, несообразное с чиномачалием иерархическим, деление сумм представляется очень странным, например сиротский быт вдовой попадья не многим чем отличается один от другого, а между тем скорбные листы представляют нам летопись, трудно объяснимую. Двадцать вдовых попадей получили пособие на своё пропитание. Из них одна получила 2 р., пять по 3 р., пять по 5 р., две по 4 р., две по 6 р., две по 10 р., одна 14 р., одна 15 р., одна 25 р. Невольно спрашиваешь: почему одна вдова получила 2 р., а другая 14 р.? Одной велют жить на 3 р., а другой дозволяется на 25 р., то есть в 8 раз больше? Без объяснений такие вещи оставлять не следует. Из 100 человек, получивших пособие на пропитание, менее 5-ти рублей получили 55 человек, менее 10-ти р. 32, менее 15-ти р. 11, менее 20-ти р. 1 и только одна получила 25 р. Можно себе вообразить, как можно пропитываться сиротам менее, чем на 5 рублях! А таких лиц было 55. Скорбный лист, нечего говорить!

Далее идут пособия *на поправку домов*: таких пособий было роздано 6, меньшее из них 10 р., а большее 25 р. О нужде этой мы ничего не можем сказать, так как можно поправлять нечто и на 10 р. и на 25 р.

Вот ещё скорбный лист: *на погребение лиц духовных.* Лишение главы семейства есть само по себе тягчайшее бедствие, да и похоронить-то эту главу нечем! Скорбный лист нам объявляет, что требовалось пособие на похороны опять-таки почти всех членов церковного братства, как то: протоиерея, священника, диакона, дьячка, пономаря, дьячихи, дочери сторожа. И здесь немалое недоумение: на погребение, например, дьячка выдано 10 р., а на погребение диакона 5 р.! Но мы не станем входить в рассмотрение удовлетворения этой нужды: сыра земля невзыскательна: и в 5 р. и в 10 р. гроб она принимает без возражений! О пособиях, выданных по случаю пожара и неурожая хлеба, тоже говорить не будем: это случайные бедствия

и определяются они количеством и качеством потерь. Выдавая пособия на сей предмет от 10 р. до 85 р., попечительство, конечно, подробно и обстоятельно входило в состояние этих потерь. Таковы пособия, оказываемые духовенству или его сиротствующим семействам в самые тяжёлые моменты его жизни! К каким выводам можно прийти, читая все эти поистине скорбные листы? Ответ на этот вопрос мы сделаем в следующем номере.

Какой вывод можно сделать из представленного нами в двух предыдущих номерах рассмотрения различных мер и родов обеспечения, готовых помочь страждущему и нуждающемуся духовенству? Самый неутешительный. Для наших сирот и заштатных священно- и церковнослужителей и детей их не состоит никакого сколько-нибудь сносного обеспечения. Из рассмотренного нами отчёта владимирского попечительства оказывается, что 2 249 лиц получают пособия в год средним числом не более 7 руб. — около 110 человек получили на своё пропитание средним числом не более 5 р. на человека. Такие пособия не могут удовлетворять самых насущных потребностей в домашнем быту, при самом скромном образе жизни. И вот что особенно печально и тяжело: помимо этих пособий сиротам духовных лиц надеяться ещё не на что; нигде ничего для них не приготовлено, кроме пособия на пропитание от 2-х до 5-ти р. в год! Какая страшная и мрачная перспектива должна представляться впереди? Не обязывает ли это духовенство принять дружные и решительные меры к тому, чтобы изыскать верные средства к обеспечению своих семейств не только при жизни, но и по смерти членов причта? Да, об этом следует подумать серьёзно и взяться за устройство этого дела неотложно, чтобы каждый отец ещё при жизни своей знал, на какое именно пособие после него должно будет рассчитывать его семейство, и таким образом мог умереть покойно. Лицам духовного звания самые средства к обеспечению, какими могут пользоваться другие светские сословия, не все доступны и дозволены. У этих сословий, на случай удовлетворения нужд, кроме разных запасных капиталов, устроенных благотворительных заведений, предпринимаются с благодетельною целию балы, маскарады с лотереями-аллегри, торжественные обеды, театры, концерты, публичные чтения, — духовным лицам всё это воспрещено, и лишь своими законными средствами предстоит им устраивать благосостояние своих сирот и бедных. Бесконечный, едва ли не 30 лет продолжающийся вопрос об улучшении быта духовенства и до сих пор не разрешён удовлетворительно. Не показывает ли это, что духовенству и здесь надеяться не на что; оно мало возбуждает участия и сочувствия в других сословиях; какие меры ни предпринимает правительство, улучшение и обеспечение его идёт туго.

При необеспеченности же духовенства, при скудных средствах его, каждый член его, конечно, задумается при постановке вопроса об улучшении быта сирот и бедных — и спросит: чем же он может пособить тут? А откуда же, спросим мы, он берёт средства для составления капитала, платит оброчные деньги в городские думы, в земские управы, на жалованье благочинным, в миссионерское общество? — Всё из своих же скудных средств! Ужели же дожидаться приказа свыше и для питания своей плоти?

По нашему мнению, при разработке подлежащего вопросу об обеспечении сирот, заботы духовенства должны быть разделены на две статьи: 1) по обеспечению сирот и заштатных уже существующих, и 2) по устройству запасного капитала на случай вновь нуждающихся. По первому пункту к имеющимся средствам попечительства было бы весьма хорошим пособием для нуждающихся устройство таких богаделен, какая, например, существует в г. Вязниках той же Владимирской губернии под названием *Рождественской*. Если бы такие богадельни устроились в каждом уезде, то много было бы прикрыто и устроено семейств, не имущих крова. А между тем эти семейства, пристроенные, не имели бы нужды просить помощи из сумм попечительства, и таким образом дали бы возможность уделять достаточные пособия другим сиротам, живущим в своих домах. Местами для таких богаделен могли бы быть без нарушения чести заштатные монастыри и пустыни. Слышим теперь же возражения против этого указания; но при спокойном обсуждении и прямом взгляде на вещи это не должно представляться странным и эксцентричным. Чрезвычайно трудно бывает иногда определить задачу и цель существования этих монастырей. Живёт в них часто не более 3-х монахов с настоятелем из крестьян или мещан, — с ними и при них живут человек 12 разного люда из мирян — дворники, кучера, повара, *коровницы*, родственники и родственницы настоятеля из крестьян. Что же преступного, если вместо этого всяческого народа, содержащегося на монастырском коште, прозябающего там без определённых задач и целей, будут помещены заштатные старицы, священники, диаконы, причетники с их семействами и сироты? Мы уверены, что тогда в этих местах и богослужение было бы отправляемо благоговейнее, а порядок благочестного жития был соблюдаем лучше, и не повторялось бы тех нередко возмутительных происшествий

с. 1

с. 2

и разных историй, какие часто бывают в этих монастырях. Средства монастырские получили бы прекрасное приложение к благотворительности, которая воскресила бы прежнюю задачу православных монастырей. Как ни бедны, по описаниям и отзывам нынешних настоятелей, монастыри, но они без всяких новых сборов и вымогательств отёрли бы только двоими средствами много слёз сиротских. Самый бедный настоятель может жить несравненно лучше самого богатого настоятеля в бедном духовенстве. Тогда и существующие монастырские средства непременно улучшились бы сами собою. Теперь пользуются ими люди, отрекшиеся от мира, привыкшие жить более подаяниями и сборами, не дорожащие своими средствами; тогда средства эти были бы в руках лиц, которым дорого каждое благо вещественное и которые без всякой посторонней прислуги сами бы занялись всем хозяйством.

Предвидим, что предположения наши подвергнутся нареканию со стороны некоторых лиц, привыкших к неге, роскоши и праздности; иные сочтут их, чего доброго, посягательством на честь монашества. Просим не беспокоиться на этот счёт. Мы глубоко уважаем сан иноческий, и отлично сознаём высокое значение истинного монашества в нашем православном русском народе, и в силу этого-то сознания хотим нашими предположениями лучше сохранить и оградить честь монашества. В самом деле, не приличнее ли тем вышеречённым трём инокам жить среди братии иноческой в штатном монастыре? Монастырь, по нашему мнению, должен состоять из одних иночествующих или непременно готовящихся к иночеству — и ничто же мирское в нём не должно иметь места.

По устройству запасного капитала для вновь нуждающихся весьма полезно было бы учредить две кассы: одну сберегательную, другую эмеритальную. Первая имеет целью сберечь капитал каждого священно-церковно-служителя из его добровольных взносов, пока он жив и состоит на месте, чтобы по истечении, например, 5-ти или 10-ти лет получить капитал с приращением. Вторая составляется из вкладов с целью получать по ним пенсию. Для образования фонда можно бы пригласить к пожертвованиям почётных прихожан каждой церкви и сделать единовременный взнос от церквей. Так как увеличение капитала с целью получать по нему приличную пенсию требует довольно времени, примерно лет десяти, то на случай бедствий сиротства, открывшегося ранее этих лет, придёт на помощь к нему сберегательная касса. Вносящий в сберегательную кассу, если будет жив и состоять на месте, после 10-ти лет может перевести весь свой капитал в эмеритальную кассу с правом получать пенсию на первом же году, если бы настояла в том нужда.

На этом до времени мы остановимся. Видим, что мы больше раскрыли больные места нашего духовного сословия, чем указали им действительные врачевания. Надобно всему духовному сословию дружными усилиями прискаты их. Надобно приняться за это дело немедленно, не надеясь ни на что, не дожидаясь ничьей помощи. Если духовенство не позаботится само о себе, то о нём некому позаботиться, и духовные сироты останутся в том же безвыходном положении, в каком они находятся теперь. Ведь не по миру же, в самом деле, пускать детей служителей Церкви? А жизнь между тем год от году становится всё дороже, труднее и тяжелее...